

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. М. Суханов

Башкортостан: проблемы
идентичности в мультикультурном
пространстве

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Suhanov_2008_4.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

БАШКОРТАСТАН: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В.М. Суханов

Одной из актуальных проблем современности являются процессы этнополитической и групповой идентификации в условиях глобализации общественных отношений. Проблема эта сложна и многообразна: от идентификационной роли новых референтных групп, ломающих традиционные линии социальной стратификации, до политической идентичности в условиях сложных по этническому и конфессиональному составу обществ. Тенденции интеграции европейского и всего мирового сообщества сопровождаются одновременным усложнением внутренней социальной структуры национально-государственных образований. Глобальные процессы перемещения представителей различных рас, этносов и конфессий актуализируют данную проблему, в том числе, и для гомогенных прежде с точки зрения этнополитической и цивилизационной идентичности государств Западной Европы.

Еще более драматичной эта проблема предстает в современной России, которая в течение всего постсоветского периода наращивала этническое, религиозное и культурное многообразие. Проблема региональной политической идентичности в каждом из субъектов РФ представляет собой конкретную совокупность обстоятельств и детерминируется уникальным сочетанием исторического наследия региона, особенностей этноконфессионального состава его населения, социально-экономического положения, специфики образа жизни, традиций, культуры, состоянием этнических элит и многих других факторов. Проблема усложняется еще и тем, что региональная идентичность практически никогда не тождественна идентичности титульного этноса, поскольку, как правило, четкие территориальные границы расселения отдельных этнических групп отсутствуют, а политические границы регионов не являются границами между этническими группами.

55

Л.С.Перепелкин выделяет для российских регионов два типа этнокультурной идентичности. Первый, который он называет "шотландским", характеризуется частичной культурно-языковой ассимиляцией меньшинства со стороны более крупного народа при сохранении своего национального своеобразия (карелы, мордва, удмурты, коми). Другой, который он называет "баскский", предполагает значительное дистанцирование (в том числе и в религиозном плане) от доминирующего народа (татары, башкиры, чеченцы, тувинцы). Такой тип усиливает автономистские тенденции и стимулирует "культурное разделение труда" [Перепелкин 1992: 93-94].

Рассмотрение основных подходов к анализу идентичности, позволяет констатировать, что она формируется в процессе взаимообусловленных отношений

человека или группы с исторически сложившимися в данном обществе социально-политическими и социально-экономическими институтами, на основе поведенческих стереотипов, обусловленных господствующими идеологическими и конфессиональными моделями. Существенное значение имеет специфика групповой ментальности, социально-психологические характеристики группы, характерные для нее традиции и образ жизни. Множественность оснований для самоидентификации актуализирует проблему ранжирования частных идентичностей по степени их значимости для индивида. Именно в этом и заключается основная сложность региональной политической идентичности в поликультурном, полиэтничном и поликонфессиональном обществе, каковым является современная Россия. Очевидно, что множественность оснований для самоидентификации актуализирует проблему ранжирования частных идентичностей по степени их значимости для индивида. Именно в этом и заключается основная сложность региональной политической идентичности в поликультурном, полиэтничном и поликонфессиональном обществе, каковым является современная Россия.

56

По мнению ряда исследователей, решение российских проблем идентичности возможно лишь в контексте мультикультурализма, который рассматривается как "особая форма интегративной, либеральной идеологии, посредством которой полиэтничные, поликультурные национальные сообщества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни" [Куропятник 2000:7]. Подобным же образом его оценивает преобладающая часть сторонников данного подхода, который рассматривается российскими мультикультуралистами как почти единственно возможная основа для формирования демократических политико-правовых механизмов согласования разнородных интересов этноконфессиональных групп в рамках единого государства. Однако смысл и содержание этой основы в контексте региональной политической идентичности трактуется неоднозначно.

По мнению Л. Низамовой, мультикультурализм наделяется прежде всего положительными либеральными свойствами и функциями в предположении его способности обеспечить реализацию "долгое время несправедливо забытых коллективных прав и свобод (например, групповых интересов признания, идентичности, языка и культурного членства), способствовать поддержанию межкультурной толерантности и содействовать сохранению социального согласия за счет гармоничного взаимодействия этнокультурных групп и их интеграции в национальное сообщество" [Низамова 2005: 10].

Реально, тем самым акцент делается на необходимости политико-правового обеспечения консолидированных социокультурных интересов титульных этнических групп на территории республик, автономных областей и округов. В этом случае, очевидно, что в основе региональной политической идентичности и политического участия граждан будет лежать не идеология, не мировоззрение, не определенная иерархия ценностей, а, прежде всего, этничность. Чтобы понять, как это происходит на практике, достаточно посмотреть на ситуацию с представительством титульных этносов во власти в соответствующих субъектах Российской Федерации.

По данным Л.М.Дробижевой, в большинстве республик представительство титульных национальностей в депутатском корпусе выше их доли в населении

республики. Башкиры, например, составляя 22,0% населения республики, имели в палате представителей Государственного собрания, избранного в 1999 г., 43,7% голосов, в Законодательной палате — 55,0%. Таким образом, башкир среди депутатов оказалось вдвое больше, чем в населении, а русских — почти в два раза меньше. В составе Государственного совета Татарстана также преобладают депутаты титульной национальности. По результатам выборов 1995 г. их было 73,0% (русских — 25,4%), после выборов 1999 г. — 75,0%. А между тем по переписи населения 1989 г. в республике проживало 48,4% татар и 43,2% русских. В составе Государственного собрания (Ил Тумэн) Якутии после выборов 1997 г. якуты (саха) составляли 73,1 % при 39% в составе населения. Подобные несоответствия были также и в Адыгее, и в Калмыкии [Дробижева 2003: 61-62].

В связи с этим, вряд ли обоснованно оценивать мультикультуралистскую политику, как принципиальным образом отличающуюся "от исторически предшествовавших ей сегрегации, геттоизации и ассимиляции" [Низамова 2005: 13]. Фактически формирование асимметричной федерации в постсоветской России привело к множественному воспроизводству политической сегрегации по отношению к представителям не титульных этносов на территории республик.

Можно конечно рассматривать такую ситуацию как плату за то, что этнические республики в кризисной ситуации все же остались в составе единого российского государства, хотя и с особым привилегированным статусом субъектов с расширенными правами и возможностями. Но стабильное общество с единой политической идентичностью на такой основе создать невозможно. Закрывать глаза на данную ситуацию очень опасно, т.к. именно она является одной из объективных причин роста русского национализма и неизбежно ведет к повышению межэтнической конфликтности в современной России. С учетом того, что значительная часть представителей различных российских этносов проживают не на территории "своей" республики, можно представить масштабы потенциальных межэтнических столкновений.

57

Мультикультурализм в целом автор определяет как "идеологию, политику и социальный дискурс, признающие правомерность и ценность культурного плюрализма, уместность и значимость многообразия и разноликости культурных форм (например, этнических культур, религиозных и расовых сообществ). В контексте мультикультурализма непохожесть и отличительность перестают рассматриваться как второсортное и 'чуждое', они начинают оцениваться просто как 'другое'" [там же: 14].

Такое определение в целом вполне операционально и позволяет свести к единому вектору две противоречивые, но равноценно важнейшие задачи: с одной стороны, создать условия для воспроизводства и развития этнических культур, независимо от места проживания их представителей; а с другой — последовательно и целенаправленно проводить деэтнизацию политико-правовых отношений и соответственно политической идентичности. Причем следует подчеркнуть, что речь идет не о том, что должна осуществляться "маргинализация этничности и исключение ее из сферы публичного" [там же: 29], а именно о деэтнизации политической (гражданской) идентичности. Ее стратегическая цель заключается в том, чтобы каждый индивид, независимо от этнической, конфессиональной и региональной принадлежности,

осознавал бы себя, прежде всего, *гражданином Российской Федерации*, у которого есть неотъемлемые права и свободы, в том числе и на этнокультурную идентичность и самовыражение.

Нельзя не согласиться с мнением С.Градировского о том, что стране необходима "рамочная идентичность, связующая разное в единый политический организм. В таком качестве не может выступить ни расовая, ни этническая, ни религиозная идентичность. Это может быть только гражданская идентичность, идентичность политической нации, которая основывается на коллективном опыте, ценностях и параметрах будущей судьбы" [Градировский 2005:47]. Задача эта чрезвычайно сложная, но "дорогу осилит идущий", знающий конечную цель своего движения.

Рассмотрим как складывается ситуация с региональной политической идентичностью на примере Республики Башкортостан

Главными участниками процесса формирования региональной идентичности являются элитные группы, которые подразделяются на властную элиту (которая задает основной вектор социальных преобразований в республике) и интеллектуальную элиту (которая генерирует идеологию, подтверждающую официальную стратегию, или же, наоборот, находящуюся в оппозиции к ней). К стимулирующим группам относятся те, кто заведует каналами распространения идеологии, этнических и региональных ценностей и символов. К ним можно отнести СМИ, систему образования и культуры, религиозные структуры.

58 Ключевой характеристикой, которая в значительной степени определяет стратегию и особенности действий рассматриваемой группы, является ее номенклатурное происхождение. Анализ персоналий в политическом истеблишменте республики позволяет констатировать, что представители бывшей номенклатуры в правящей элите составляют от 60 до 70% [См.: Депутаты Госсовета-Курултая РБ... 1996].

Вследствие "политики коренизации", начавшейся в 1920-е годы, в административный аппарат автономии, наряду с русскими, вводились представители "коренной нации" — башкиры, а также, в меньшей мере, и татары. Благодаря сложившейся модели селекции управленческих кадров, (которая воспроизводилась и в перестроечный период), высший управленческий слой комплектовался по большей мере из представителей титульной нации. Однако кадровая рокировка внутри республиканского управленческого слоя полностью зависела от Центра. Важное значение имела и культурно-языковая дифференциация. Республиканская бюрократия систематически пополнялась выходцами из села (по некоторым данным, в руководстве Башкортостана выходцы из сельской местности составляют около 70%) [см. напр. Кто есть кто... 2002]. А выходцы из сельской местности в большинстве своем воспитывались и получали образование на родном башкирском или татарском языке, при этом плохое владение русским языком становилось барьером в карьерном росте за пределами республики. Провинциальную идентичность функционера усиливал эффект действовавшей иерархии "столица — провинция". А издержки отчужденности от "столичности", русского языка и городской культуры компенсировала комфортность и комплиментарность родственного окружения, имеющего общее сельское происхождение. Надо сказать, что и сейчас "землячества" из сельских рай-

жов в столице во многих случаях действуют активно (зачастую без оглядки на национальность), вырабатывая принцип "свой своему поневоле друг", помогая своим землякам в карьерном росте.

Региональная идентичность функционеров стимулировалась и системой ранжирования территорий, образующих СССР. Так, союзные республики получали большее финансирование, больше прав и возможностей поддерживать культуру населяющих их народов, по сравнению с автономными республиками. За этими последними шли области и автономные округа. Очевидно, что такая система формировала у многих этнических групп комплекс ущербности своего положения в СССР, культивирующий чувство несправедливости и ущемления со стороны Москвы.

Описанное ранжирование воспроизводилось и во всем укладе внутренней корпоративной культуры государственных чиновников, особенно когда они приезжали в Москву, в том числе и на заседания Верховного Совета СССР, где ранжирование также сохранялось: от союзных республик до автономных областей. Однако самым существенным фактором было ограничение самостоятельности в экономической сфере. Башкирия, имея к началу 1980-х годов потенциал, равный социально-экономическому потенциалу трех прибалтийских республик вместе взятых, оставляла на собственные нужды, по утвержденной модели распределения, всего чуть более 2% от получаемых производственных доходов. Безусловно, сложившаяся ситуация предопределяла вектор интересов республиканских функционеров высшего звена.

Общность интересов в экономической сфере усилилась в перестроечный период. Краткий момент деклараций о приверженности демократическим ценностям и осуждении административно-командной системы, а вскоре и коммунистического режима в целом, сменился бурной эпохой приватизации объектов бывшей государственной собственности. Именно в этот период обостряются отношения *Центр - регионы*, поскольку демократические принципы на первых порах нивелировали вертикаль государственной власти. Приветствуемая горизонтальность отношений предполагала равенство в дележе этой собственности, давая региональным элитам весомые аргументы для обоснования правомерности своих претензий на получение причитающейся им доли и на ее нормативное закрепление.

Для максимального усиления экономической самостоятельности и защиты полученной собственности региональная элита использовала формально закрепленное в международном законодательстве право наций на самоопределение и создание собственной государственности. Эффективным инструментом в решении данной задачи становится этничность.

Только она в сложившемся политическом контексте могла стать надежным основанием легитимации собственной государственности. Ее базовый индикатор — этническая идентичность. Поэтому конструктивистские усилия властной элиты были нацелены на поддержку и развитие этнической идентичности, которая прежде, присутствуя в личностной структуре ценностей башкир, носила преимущественно латентный характер.

Этот вывод может показаться спорным. Если исходить из того, что этническая принадлежность играла определяющую роль в селекции государственных, партийных и хозяйственных функционеров, то она должна была бы

стоять на одном из первых мест по значимости в стратегии карьериста. На самом деле, имевшая значение в самом начале политики коренизации этническая принадлежность, со временем уступает место родственному или земляческому принципам властной кадровой селекции.

Помимо всего прочего преимущество сельчанина перед горожанином состояло в бесспорно более выраженной конформности первого в сравнении со вторым. Поэтому сельчанин, попав во власть, отбирал нижестоящих функционеров не столько по этническому принципу, или принципу компетентности, сколько по принципу родства, или дружбы, когда лояльность выдвиженца была подтверждена давними связями. Надо сказать, что этот принцип был общим для всей советской России, но в русских регионах, где население этнически было более однородным, он был не столь заметен.

Активным участником процесса формирования региональной, и, в большей мере, этнической идентичности стала башкирская интеллигенция. Значительная часть ее является "молодой интеллигенцией", имеющей сельское происхождение. По исследованиям этносоциологов, проведенным в 1970-е годы, три четверти башкир-интеллигентов были работниками умственного труда в первом поколении. В ходе республиканского исследования башкирской творческой интеллигенции было выявлено, что из общего числа опрошенных писателей — более 60% составляли выходцы из села [Вся Россия — XXI век... 2003].

У интеллигенции, имеющей сельские корни, этнический компонент в структуре ценностей был актуализирован всегда. В советское время выходец из башкирского села, получивший образование на башкирском языке, ощущал чувство ущербности, попадая в русскоговорящий город для продолжения обучения в техникуме или институте. В постсоветский период, когда этничность была легитимирована, владение национальным языком и культурой стало престижным достоянием в новой социальной среде.

Возникает вопрос: почему башкирская гуманитарная интеллигенция, будучи "молодой", воспитанная в лоне советской культуры, вне национальной гуманитарной традиции¹, так активно обратилась к национальному наследию с падением коммунистического режима? Особенно с учетом того, что в годы советской власти большинство представителей гуманитарной интеллигенции были активными или пассивными агентами социалистической идеологии. Если в среде русской интеллигенции зародилось и развивалось диссидентство и процветал андеграунд, то у башкир не было ничего похожего. Наоборот, процентная доля башкир — кандидатов наук и докторов, работавших в республике на кафедрах марксистско-ленинской философии, было значительно выше, чем русских.

На наш взгляд, две причины обусловили такое обращение. Первая связана с поиском новой легитимной идеологической основы, которая должна была заменить дискредитировавшую себя старую коммунистическую идеологию. Волна национализма, поднявшаяся с окраин Советского Союза — инициированная союзными республиками, стала тем прецедентом, на который стали ориентироваться. Этничность, по сравнению с ушедшей идеологией,

¹ Как известно, почти все дореволюционное культурное наследие, в которое входили башкирская (во многих случаях и татарская) литература, общественная мысль и теология, было объявлено контрреволюционным и запрещено, а интеллектуалы, владевшие им, уехали за границу, либо были репрессированы.

имела длительную традицию. Ее элементы, в виде сохранившихся народных обычаев, фольклора, религии и родного языка были включены в повседневность. Тем самым, эти значимые элементы составили основу групповой солидарности и идентичности для башкирского населения.

Вторая причина была связана с исторической традицией, заложенной еще в эпоху имперской России и продолженной в еще более ужесточенной форме в советскую эпоху. Речь идет об умалении и искажении истории башкир, а также татар, проживавших в Башкортостане, которая перекраивалась и дополнялась в соответствии с идеологическими соображениями партийной элиты. Так, например, в соответствии с канонами советской истории, Золотая Орда трактовалась как хищническое паразитическое государство, но при этом в учебниках по истории отсутствовала сама история Золотой Орды. Школьные учебники по истории СССР были написаны через призму становления государственности славянских этносов. В данном контексте негативная оценка монголо-татарского ига и тюрков, в том числе башкир и татар, формировала соответствующее представление о тюркоязычных народах среди населения России и ущербную самооценку у носителей этнонима. Сюжеты о таких формах дискриминации присутствовали как в социологических интервью, так и на страницах прессы в период этнического ренессанса.

Несомненно, такое отношение активно использовалось башкирской интеллигенцией в процессе формирования региональной этнической идентичности на массовом уровне. Апелляция в республиканских СМИ к оскорбленным национальным чувствам получала эмоциональный отклик у значительной части населения.

61

Вполне понятно, что стремление властной элиты в самом начале реформ закрепить за собой и легитимировать более широкие, по сравнению с прежними, властные полномочия (как в отношениях с Москвой, так и с республиканским сообществом) должно было иметь свои аргументы. В общероссийском контексте имелось только одно основание, которое отличало республику от обычной российской области — этнический фактор. Его значимость подкреплялась международными правовыми нормами и уже начавшимся процессом выхода из СССР союзных республик. Кроме того, внутреннюю экспрессию этому фактору в республике придавали национальные движения, которые пополнялись все новыми неформальными организациями. Их активисты имели достаточно широкую поддержку среди определенной части как башкирского, так и татарского населения.

В информационном поле Башкортостана конца 1980-х — начала 1990-х годов этническая компонента была очень насыщенной. Показательно, что идеи этнического ренессанса стали второй по значимости темой широкого обсуждения после социально-экономических проблем самой республики, как субъекта России, которому Центр совсем не уделяет внимания. При этом характерно, что тема экологических угроз среде обитания вскоре переросла в тему экологии национальной культуры и языка.

Нельзя не отметить (общую для многих национальных республик) характерную увязку этнокультурных проблем с политикой. Отсталость в развитии национальной культуры башкир связывалась с политикой советского государства, с политикой Москвы. Именно поэтому получила широкий резонанс

нанс тема утраченной государственности башкир. В середине 1990-х годов среди интеллигенции активно обсуждалась идея принятия закона "О гражданстве в Республике Башкортостан". Характерной является в этом смысле статья доктора философских наук, профессора Д.Ж.Валеева, который писал: "В законе о гражданстве должен быть предусмотрен и такой момент, как лишение гражданства в качестве меры наказания за действия, направленные против суверенитета республики, а также действия, подрывающие ее авторитет" [Известия Башкортостана 1995]. Социально-экономические проблемы также рассматривались сквозь призму этничности. Зачастую обсуждение сводилось к поиску виновной стороны. Ею оказывалось российское государство. Однако вина государства нередко экстраполировалась на его этническое большинство — русские. В этот период особенно сильно звучал "мотив жертвы".

Еще одним весомым аргументом в пользу необходимости делать акцент на формирование региональной идентичности как этнической стал более низкий уровень обеспеченности жителей республики по сравнению с москвичами (подобное положение можно, наверно было наблюдать, по всем республикам и областям России). Выигрышность этого аргумента в политической стратегии была бесспорна. Ответственность за сложившуюся систему распределения несло центральное правительство и, в целом, государство. Поэтому выстраивание оппозиции "центр — республика" в формирующемся региональном самосознании способствовало четкому распределению акцентов: кто — "узурпатор", и кто — "жертва".

62 Для периода начала 1990-х годов было характерно сильное влияние политической конъюнктуры на появляющуюся в прессе этническую информацию. В это время прореспубликански ориентированные издания придерживались такой позиции: если в России идет выяснение отношений, борьба, поиски врагов, то в Башкортостане тем временем работают, стараются найти выход из экономического кризиса. Таким образом, положительный стереотип "башкиры — трудолюбивый народ" использовался в качестве характеристики республики, становился аргументом создания самостоятельного государства. Борьба за государственность Башкортостана, придание ему новой политической идентичности, активизировала использование символов, включающих в себя память о былой государственности башкирского народа. Среди местной номенклатуры в качестве меры социальной идентификации внедряется в обиход башкирская символика и сакраментальные слова для поддержания значимых для нее самодостаточных имиджевых маркеров.

Общим знаменателем для всех тем, касающихся возрождения этнической культуры и языка башкир, также как и народа в целом, в Башкортостане стала тема государственности.

Апелляция к усилению своей государственности имела две мотивации. Первая касалась непосредственно интересов возрождения этнической культуры и языка башкир. Государственность башкир в этом случае понималась как необходимое условие для создания благоприятного климата их - как нации — сохранения и развития.

Вторая была связана с установлением политического контроля над экономическими ресурсами на территории Башкирии. Этот мотив использовался для обоснования консолидации региональных интересов всех этнических групп и обеспечения единой региональной политической идентичности населения.

Таким образом, этничность и оппозиция "центр - республика" становятся несущими опорами всей республиканской идеологии, формирующей свое региональное "Я". Характер и особенности подачи этнической информации в республиканской прессе тесно сопряжены с политическими событиями, сопровождавшими отношения федерального центра и республики.

Усиление политической автономии республики сопровождалось усилением этнического характера республиканской политической элиты. Данные по национальному составу высших структур государственной власти Башкортостана на 1997 г. свидетельствуют: среди глав городов и районов башкиры составляли 58,5%, русские — 15,0%, татары — 18,5%, представители других национальностей — 8,0%; в республиканском Кабинете Министров башкиры составляли 65,5%, русские — 19,0%, татары — 13,0%, представители других национальностей — 2,5%. Соотношение национальностей в республике на это время было существенно иным: башкиры - 21,9%, русские - 39,3%, татары - 28,4%, представители других национальностей - 10,6% [Аргументы и факты 2006]. (Для сравнения: по данным переписи 2002 г. в республике проживало башкир — 29,75%, русских - 36,32%, татар - 24,14%) [Янгузин 2007].

В соответствии с динамикой подачи этнических тем процесс формирования республиканской идентичности можно разделить на несколько этапов.

Первый этап (конец 1980-х годов — 1994 г.) — резкая и категорическая дистанцированность от Центра.

Второй этап (1994 г. — 2000 г.) — неконфликтное утверждение республиканской идентичности.

Третий, текущий этап (с 2000 г.) — начало процесса реинтерпретации республиканской идентичности, как составной части общероссийской идентичности.

Современные официальные газеты республики в значительной степени сохранили приверженность традициям советской печати. Обязательная официальная информация соседствует с очерками о тружениках села и промышленных предприятий, событиями культуры и спорта. Так, "Республика Башкортостан" формирует по большей мере республиканскую гражданскую идентичность. Республика в ее интерпретации — родной дом для всех населяющих ее народов. При этом освещение тем, связанных с проблемами статуса государственных языков в республике; ислама и православия в публикациях подается, как правило, в духе советского интернационализма.

Тем не менее, стратегия на формирование внутриэтнической солидарности башкир России продолжается и сегодня. Материалы публикаций об истории башкир, их культуре и роли в жизни России призваны повысить самооценку и значимость представителей народа. Большая доля публикаций посвящена взаимодействию башкир различных регионов России. В каждом номере газеты "Республика Башкортостан" обязательно встречается от одного до четырех — пяти репортажей о встречах землячества, о культурных и образовательных акциях. Объем такой информации, по данным проведенного нами контент-анализа, составляет не менее 25% от общего объема проанализированных текстов. Но если ранее в подаче темы судьбы башкир в России преобладали эмоции, чувство обиды, акцентировалась роль жертвы, то сегодня преобладает фактический материал, нейтральное, спокойное повествование. Тема противопоставления государству или русским уже не звучит, а события подаются в инте-

гративном ключе: историческое достояние должно служить всем. Это один из показательных примеров модуляции этнической идентичности, направленной на ее интеграцию в структуру общероссийской гражданской идентичности. Эти тенденции усилились, стали фактически доминирующими в период подготовки и проведения юбилейных торжеств, посвященных 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав Русского государства (апогей празднеств пришелся на день Республики — 11 октября 2007 г.).

Одно из ведущих мест среди этнических категорий, обсуждаемых "символьной элитой", занимает тема башкирского языка. Ее презентация в республиканских СМИ также менялась на протяжении анализируемого периода. Особенно бурным было обсуждение проблемы современного состояния языка и образования на башкирском языке в конце 1980-х начале 1990-х годов. Язык и национальная школа рассматривались как первое условие сохранения этнической самобытности башкир. На этом пути были перегибы, отмечаемые самими башкирскими журналистами. Так главный редактор "Известий Башкортостана" Марсель Кутлугаллямов в одной из своих статей писал: "Башкирское телевидение... становится все больше башкирским в прямом смысле этого слова, забывая, что в Башкортостане проживает очень много русских, татар, чувашей, украинцев, латышей и т.д." [Если это отражение... 1996].

В этот период тема языка подавалась в прессе не только с точки зрения его сохранения и развития, но и в контексте становления новой идентичности, включающей в себя попытку утвердить свое отличие от русской культуры.

64 В 2000-е годы тема отличительности от российского культурного пространства уже не является доминирующей. Тем не менее, проблема развития и статуса башкирского языка в республике продолжает оставаться актуальной. В республике проводится очень серьезная работа по выполнению "Закона о языках в Республике Башкортостан", все надписи на указателях городов, улиц, дорог, не говоря уже об официальных вывесках, обязательно приводятся на башкирском и русском языках.

С 2006 г. во всех средних общеобразовательных школах Башкортостана в обязательном порядке вводится изучение башкирского языка со второго класса. Такие предметы как "История Башкортостана", "Культура и литература Башкортостан" введены уже давно, история республики изучалась и в советское время. Воспитание патриотов России невозможно без воспитания патриотов своей малой Родины. Так же и формирование толерантности народов России по отношению друг к другу невозможно без равноценного формирования уважения к культуре, традициям, и особенностям быта проживающих на одной территории этносов.

* * *

Таким образом, этнический фактор и этническая идентичность использовались в качестве важнейшего ресурса формирования республиканской политической идентичности в Башкортостане. На первых этапах выстраивания политических отношений с федеральным центром они стали базовым основанием для значительного расширения республиканской самостоятельности и разграничения полномочий с Москвой в решении важнейших общественных вопросов. Этническая культура и язык стали той зоной, где интересы башкирского

этноса и стратегия властной элиты республики совместились в наибольшей степени. Главным вектором информационно-коммуникационного воздействия стало внедрение стереотипа: без единства башкир не будет республики, а без республики не выжить башкирам, как самобытному культурному организму.

Однако в 2000-е годы все отчетливее проявляется иной вектор развития — на формирование региональной политической идентичности и интеграцию всех этносов в Башкортостане на основе единства их республиканских интересов. Формирование региональной идентичности осуществляется, прежде всего, через демонстрацию преимуществ жителей Башкортостана по сравнению с другими регионами, где "рука Москвы" ощущается тяжеловесной или действует напрямую. При этом в ранжировании идентичностей в информационно-коммуникационном пространстве республики все более значимое место занимает общероссийская идентичность. Несмотря на продолжение выстраивания линии "мы" — "они", тема российской власти все чаще используется с положительными коннотациями. В ряде изданий акцентируется внимание на ее функции борца за закон и справедливость, растет популярность темы нарушений местными властями российских законов в республике.

В целом, выявленные тенденции позволяют надеяться, что успешная модернизация российской экономики и успешное решение большинства социальных проблем в общегосударственном масштабе изменят прежнее отношение к федеральному центру как к паразитическому наросту и создадут объективную основу для формирования единой политической идентичности всех российских регионов, независимо от их этнического и конфессионального состава.

65

Аргументы и факты в РБ. 2006. № 22 от 31.5-6.06.

Вся Россия - XXI век. Республика Башкортостан. Книга 1. Энциклопедический словарь биографий современников. 2003. Самара: Поволжский редакционно-издательский центр Союза писателей России.

Градиловский С. Поликонфессиональность как ресурс и как угроза формирования гражданского общества в России. - *Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Материалы конференции. Казань, 2-3 июня 2004г.* / Под ред. А.Малашенко; Московский Центр Карнеги. М.: Гендальф.

Депутаты Госсовета-Курултая РБ. Первый созыв. Официальный справочник. 1996. Уфа.

Дробужева Л.М. 2003. *Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России.* М.

Если это отражение, то не живем ли мы в Зазеркалье? 1996. — *Известия Башкортостана.* 03.02.1996.

Известия Башкортостана, 3 октября 1995 г.

Кто есть кто. Башкортостан 2002. Информационный справочник. 2002. Уфа.

Куропятник А.И. 2000. *Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.

Низамова Л. 2005. Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России. — *Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Материалы конференции. Казань, 2-3 июня 2004г.* / Под ред. А.Малашенко; Московский Центр Карнеги. М.: Гендальф.

Перепелкин Л.С. 1992. Истоки межэтнического конфликта в Татарии. — *Мир России,* т. 1, № 1.

Янгузин Р.З. 2007. *Этнический состав населения Башкортостана (по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.).* Уфа: Китап.